

Б/01
24

01
24

2472a
ишкыця.

СКАЗКИ
А. С. ПУШКИНА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
РОССИЙСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
МУЗЕЙ.

Редакція В. П. Авенариуса.

Съ рисунк. М. В. Нестерова.

МОСКВА.

Издание книгопродавца А. Д. Ступина.

1888.

ОДН
детей необ

ВЪ КОНТОРѢ ИЗДАТЕЛЯ-КНИГОПРОДАВЦА

АЛЕКСѢЯ ДМИТРИЕВИЧА СТУПИНА,

Москва, Никольская ул., рядомъ съ Ремесленной Управой.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Избранныя житія святыхъ, кратко изложенныя по руководству Четвѣхъ-Миней. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Сост. А. Н. Бахметевой. 10 изд. 12 книжекъ. М. 1887 г. Ц. за весь годъ 1 р. 80 к., съ пер. 2 р., въ пер. въ 3 книжк. 3 р., въ хорош. коленк. пер. 4 р. съ пер.

Тожне изданіе на лучшей бумагѣ большого формата съ изображеніемъ святыхъ (около 300 рисунковъ). М. 1887 г. Ц. 5 р., въ коленкор. перепл. 8 р.

Двунадесятые праздники и Воскресеніе Христова. Картины съ молитвами и объяснительнымъ текстомъ А. Н. Бахметевой. (Одобрено Учен. Ком. Мин. Народн. Просвѣщ. для Нач. Училищъ). Картины рисованы Маковскимъ. Изд. больш. форм. М. 1887 г. Ц. 1 р. 25 к., на картонѣ 1 р. 50 к.

Разсказы изъ исторіи христіанской церкви отъ I-го вѣка до полов. XI-го. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста. Сост. А. Н. Бахметева. Одобрено Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. Изд. 5 въ 2 част. М. 1884 г. Ц. 1 р. 75 к.

Разсказы изъ Русской церковной исторіи. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста. Сост. А. Н. Бахметева, въ 2 част. М. 1884 г. Ц. 2 р. 50 к.

Житіе Святыхъ Кирилла и Меодія, просвѣтителей славянъ. Сост. А. Н. Бахметева, съ картинами. М. 1886 г. Ц. 10 к.

Русская исторія излож. по способу Грубе; излож. Вл. Фармаковскій. Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. 5 изд. М. 1880 г. Ц. 75 к., съ карт. въ пап. 1 р.

Управленіе дѣтьми. Пособіе для родителей и воспитателей по лекціямъ Циллера. Составилъ В. Фармаковскій. Изданіе третье, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованное основными бібліотекамъ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Минист. Народн. Просвѣщ. М. 1883 г. Ц. 50 к.

Альбомъ городскихъ, загородныхъ и сельскихъ построекъ, съ детальными чертежами, на 52 лист. Чертежи исполнены въ краскахъ съ подробнымъ текстомъ строительнаго искусства и съ приложеніемъ смѣтнаго исчисленія на количеств. матер. и работъ, потребныхъ на каждое строеніе. Сост. инжен.-архит. В. Г. Замѣтскій, А. Цановъ, Гр. де-Рошфоръ, М. Генпенеръ, К. Быковскій и др. Ц. въ папкѣ 10 р., въ коленкор. переплетѣ 12 р.

Сельско-хозяйственная бухгалтерія, практическ. руковод. для сельскихъ хозяевъ и школь. Сост. Пешцевъ. 3 изд. М. 1884 г. Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 50 к.

Руководство къ изученію одинакой и двойной Итальянской Бухгалтеріи; въ 2 ч. Сост. Сладковъ. М. 1882 г. Ц. 2 р., въ перепл. 3 р.

Общедоступная ветеринарная школа (домашній скотолѣчебн.). Болѣе 1000 рецептовъ испытан. средствъ, съ 113 рис., въ 2 ч. Общепонятно изложен. ветерин. практик. П. Павловскимъ. М. 1887 г. Ц. 3 р., въ коленк. перепл. 4 р.

Картины средневѣковой жизни, Фрейтага. Ц. 2 р.

Огородничество. Руководство къ разведенію овощей, Э. Люкаса. Ц. 2 р.

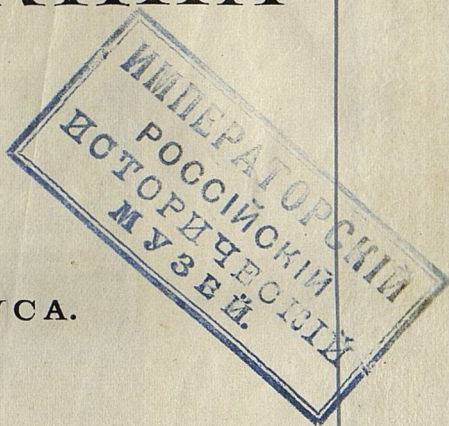
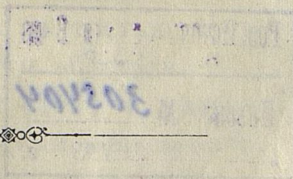
Вс. стр. все
Поместить ушибы
стр. 19 - 30 много Лриематая.

СКАЗКИ
✓
А. С. ПУШКИНА

РЕДАКЦІЯ

В. П. АВЕНАРИУСА.

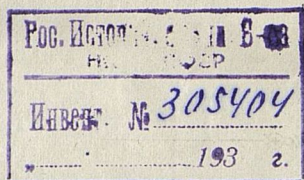
Съ рисунками М. В. Нестерова.

МОСКВА.

Издание книгопродавца А. Д. Ступина.

1888.

Дозволено цензурою. Москва, 20 ноября 1887 г.

ЖЕНИХЪ.

(1825 г.)

ри дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на дворъ на третью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать.
Наташа ихъ не слышитъ,
Дрожитъ и еле дышетъ.

Тужила мать, тужилъ отецъ,
И долго приступали,
И отступились наконецъ,
А тайны не узнали.

Наташа стала, какъ была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла съ сестрами
Сидѣть за воротами.

Разъ у тесовыхъ у воротъ,
Съ подружками своими,
Сидѣла дѣвица — и вотъ
Промчалась передъ ними
Лихая тройка съ молодцомъ.
Конями, крытыми ковромъ,
Въ саняхъ онъ стоя править
И гонить всѣхъ, и давить.

Онъ, поровнявшись, поглядѣлъ,
Наташа поглядѣла;
Онъ вихремъ мимо пролетѣлъ, —
Наташа помертвѣла.
Стремглавъ домой она бѣжитъ;
„Онъ! онъ! узнала! говорить,

Онъ, точно онъ! держите,
Друзья мои, спасите!“

Печально слушаетъ семья,
Качая головою;
Отецъ ей: — милая моя,
Откройся предо мною.
Обидѣлъ кто тебя, скажи,
Хоть только слѣдъ намъ укажи. —
Наташа плачетъ снова
И болѣе ни слова.

Наутро сваха къ нимъ на дворъ
Нежданная приходитъ.
Наташу хвалить, разговоръ
Съ отцомъ ея заводить:
„У васъ товаръ, у насъ купецъ;
Собою парень молодецъ,
И статный, и проворный,
Не вздорный, не зазорный.

Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ
Не кланяется въ поясъ,
А, какъ бояринъ, между тѣмъ
Живетъ, не безпокоясь;
А подарить невѣстѣ вдругъ
И лисью шубу, и жемчугъ,
И перстни золотые,
И платья парчевыя.

Катаясь, видѣлъ онъ вчера
Ее за воротами;
Не по рукамъ ли, да съ двора,
Да въ церковь съ образами!“

Она сидитъ за пирогомъ,
Да рѣчь ведетъ обинякомъ,
А бѣдная невѣста
Себѣ не видитъ мѣста.

„Согласенъ, говоритъ отецъ,
Ступай благополучно,
Моя Наташа подъ вѣнецъ, —
Одной въ свѣтелкѣ скучно;
Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
Не все касаткѣ распѣвать:
Пора гнѣздо устроить,
Чтобъ дѣтушекъ покоить“.

Наташа къ стѣнкѣ уперлась
И слово молвить хочетъ —
Вдругъ зарыдала, затряслась,
И плачетъ, и хохочетъ.
Въ смятеньи сваха къ ней бѣжитъ,
Водой студеною поить
И льетъ остатокъ чаши
На голову Наташи.

Крушится, охаетъ семья.
Опомнилась Наташа,
И говоритъ: „послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пиръ,
еките хлѣбы на весь мѣръ,
На славу медъ варите,
Да судъ на пиръ зовите“.

„Изволь, Наташа, ангелъ мой!
Готовъ тебѣ въ забаву

И жизнь отдать!“ — И пиръ горой;
 Пекутъ, варятъ на славу.
 Вотъ гости честные нашли,
 За столъ невѣсту повели;
 Поютъ подружки, плачутъ,
 А вотъ и сани скачутъ.

Вотъ и женихъ — и всѣ за столъ.
 Звенять, гремятъ стаканы.
 Заздравный ковшъ кругомъ пошелъ,
 Все шумно, гости пьяны.

Ж е н и х ъ.

А что же, милые друзья,
 Невѣста красная моя
 Не пьеть, не ѣсть, не служить?
 О чемъ невѣста тужить?
 Невѣста жениху въ отвѣтъ:
 „Откроюсь на удачу.

Душѣ моей покоя нѣтъ,
И день, и ночь я плачу:
Недобрый сонъ меня крушить.“
Отецъ ей: „что-жъ твой сонъ гласить?
Скажи намъ, что такое,
Дитя мое родное?“

„Мнѣ снилось, говоритъ она,
Зашла я въ лѣсъ дремучій,
И было поздно—чуть луна
Свѣтила изъ-за тучи;
Съ тропинки сбилась я: въ глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумѣли.

„И вдругъ, какъ будто на яву,
Изба передо мною.
Я къ ней; стучу—молчатъ; зову—
Отвѣта нѣтъ; съ мольбою
Дверь отворила я. Вхожу—
Въ избѣ свѣча горитъ; гляжу—
Вездѣ серебро и злато,
Все свѣтло и богато“.

Ж е н и х ъ.

А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?
Знать, жить тебѣ богато...

Н е в ѣ с т а.

Постой, сударь, не конченъ онъ.
На серебро, на злато,
На сукна, коврики, парчу,

На новгородскую камчу
Я молча любовалась
И диву дивовалась.

Вдругъ слышу крикъ и конскій топъ...
Подъѣхали къ крылечку.
Я поскорѣ дверью хлопъ
И спряталась за печку.
Вотъ слышу много голосовъ...
Взошли двѣнадцать молодцовъ,
И съ ними голубица,
Красавица-дѣвица.

Вошли толпой, не поклонясь,
Иконъ не замѣчая;
За столъ садятся, не молясь
И шапокъ не снимая.
На первомъ мѣстѣ—братъ большой,
По праву руку—братъ меньшей,
По лѣву—голубица,
Красавица-дѣвица.

Крикъ, хохотъ, пѣсни, шумъ и звонъ,
Разгульное похмѣлье..."

Ж е н и х ь.

А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?
Вѣщаетъ онъ веселье.

Н е в ѣ с т а.

Постой, сударь, не конченъ онъ.
Идетъ похмѣлье, громъ и звонъ.
Пиръ весело бушуетъ,
Лишь дѣвица горюетъ:

Сидить, молчить, не ѣсть, не пьеть
И токомъ слезы точить,
А старшій братъ свой ножъ беретъ,
Присвистывая точить;
Глядитъ на дѣвицу-красу
И вдругъ хватаетъ за косу —
Злодѣй дѣвицу губить,
Ей праву руку рубить.
„Ну, это, говоритъ женихъ,
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сонъ не лихъ,
Повѣрь, душа дѣвица.
Она глядитъ ему въ лицо.
„А это съ чьей руки кольцо?“
Вдругъ молвила невеста,—
И все привстали съ мѣста.
Кольцо катится и звенить,
Женихъ дрожить, блѣднѣя;
Смутились гости, судъ гласить:
„Держи, вязать злодѣя!“
Злодѣй окованъ, обличенъ,
И скоро смертію казненъ.
Прославилась Наташа!
И вся тутъ пѣсня наша.

СКАЗКА

о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его, славномъ и могучемъ
богатырѣ князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрас-
ной царевнѣ Лебеди.

(1831 г.)

Три дѣвицы подѣ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
Кабы я была царица,
Говоритъ одна дѣвица,
То сама на весь бы міръ
Приготовила я пиръ.
Кабы я была царица,
Говоритъ ея сестрица,
То на весь бы міръ одна
Наткала я полотна.
Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я-бъ для батюшки-царя
Родила богатыря.

Только вымолвить успѣла,
Дверь тихонько заскрипѣла,
И въ свѣтлицу входитъ царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Онъ стоялъ позадь забора;
Рѣчь послѣдней по всему
Полюбилася ему.
„Здравствуй красная дѣвица,

Говорить онъ, будь царица...
Вы-жъ, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь изъ свѣтлицы,
Поѣзжайте вслѣдъ за мной,
Вслѣдъ за мной и за сестрой;
Будь одна изъ вась ткачиха,
А другая—повариха“.

Въ сѣни вышелъ царь-отецъ,
Всѣ пустились во дворецъ.
Царь не долго собирался:

Въ тотъ же вечеръ обвѣнчался.
 Царь Салтанъ за пиръ честной
 Съѣлъ съ царицей молодой.
 Въ кухнѣ злится повариха,
 Плачетъ у станка ткачиха,--
 И завидуютъ онѣ
 Государевой женѣ...

Въ тѣ поры война была:
 Царь Салтанъ, съ женой простясь,
 На добра-коня сядясь,
 Ей наказывалъ—себя
 Побережь, его любя.
 Между тѣмъ, какъ онъ далеко
 Бьется долго и жестоко,

Сына Богъ имъ далъ въ аршинъ.
И царица надъ ребенкомъ,
Какъ орлица надъ орленкомъ...

Шлетъ съ письмомъ она гонца,
Чтобъ обрадовать отца.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотятъ,
Перенять гонца велятъ;
Сами шлютъ гонца другого
Вотъ съ чѣмъ отъ слова до слова:
„Родила царица въ ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышенка, не лягушку,
А невѣдому звѣрюшку.“

Какъ услышалъ царь-отецъ,
Что донесъ ему гонецъ,
Въ гнѣвъ началъ онъ чудесить

И гонца хотѣлъ повѣсить;
Но смягчившись на сей разъ,
Далъ гонцу такой приказъ:
„Ждать царева возвращенья
Для законнаго рѣшенья“.

Бдетъ съ грамотой гонецъ,
И пріѣхалъ наконецъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,

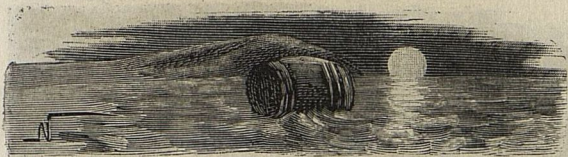
Обождать его велятъ;
До-пьяна гонца поятъ
И въ суму его пустую
Суютъ грамоту другую —
И привезъ гонецъ хмѣльной
Въ тотъ же день приказъ такой:
„Царь велитъ своимъ боярамъ,
Времени не тратя даромъ,
И царицу и приплодъ
Тайно бросить въ бездну водъ“.
Дѣлать нечего; бояре,
Потуживъ о государѣ
И царицѣ молодой,
Въ спальню къ ней пришли толпой.
Объявили царску волю —

Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслухъ указъ
И царицу въ тотъ же часъ
Въ бочку съ сыномъ посадили,
Засмолили, покатали
И пустили въ окіанъ,—
Такъ велѣлъ-де царь Салтанъ.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ,
Въ синемъ морѣ волны хлещутъ,
Туча по небу идетъ,
Бочка по морю плыветъ;
Словно горькая вдовица,
Плачетъ, бьется въ ней царица:
И растетъ ребенокъ тамъ
Не по днямъ, а по часамъ.
День прошелъ, царица вопить...

А дитя волну торопить:
 „Ты, волна моя, волна!
 Ты гульлива и вольна;
 Плещешь ты, куда захочешь,
 Ты морскіе камни точишь,
 Топишь берегъ ты земли,
 Подымаешь корабли,—
 Не губи ты нашу душу,
 Выплесни ты насъ на сушу!“
 И послушалась волна:
 Тутъ же на берегъ она

Бочку вынесла легонько
 И отхлынула тихонько.
 Мать съ младенцемъ спасена,—
 Землю чувствуетъ она.
 Но изъ бочки кто ихъ вынетъ?
 Богъ неужто ихъ покинетъ?
 Сынъ на ножки поднялся,
 Въ дно головкой уперся,
 Понатужился немножко:
 „Какъ бы здѣсь на дворъ окошко
 Намъ продѣлать?“ молвилъ онъ,
 Вышибъ дно и вышелъ вонъ.

Мать и сынъ теперь на волѣ.
 Видятъ холмъ въ широкомъ полѣ;
 Море синее кругомъ,

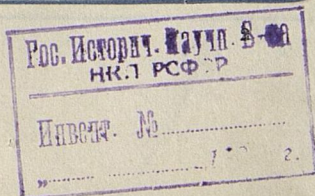
Дубъ зеленый надъ холмомъ.
 Сынъ подумалъ: добрый ужинъ
 Былъ бы намъ однако нуженъ.
 Ломить онъ отъ дуба сукъ
 И въ тугой сгибаетъ лукъ.
 Со креста снурокъ шелковый
 Натянулъ на лукъ дубовый,
 Тонку тросточку сломилъ,
 Стрѣлкой легкой заострилъ
 И пошелъ на край долины
 У моря искать дичины.

Къ морю лишь подходитъ онъ,
 Вотъ и слышитъ будто стонъ...
 Видно, на морѣ не тихо;
 Смотрить—видитъ дѣло лихо:
 Бьется лебедь средь зыбей,
 Коршунъ носится надъ ней;
 Та бѣдняжка такъ и плещетъ,
 Воду вокругъ мутить и хлещетъ...
 Тотъ ужъ когти распустилъ,

Клювъ кровавый наострилъ...
Но какъ разъ стрѣла запѣла,
Въ шею коршуна задѣла—
Коршунъ въ море кровь пролилъ,
Лукъ царевичъ опустилъ;
Смотрить: коршунъ въ морѣ тонетъ
И не птичьимъ крикомъ стонетъ,
Лебедь около плыветъ,
Злого коршуна клюетъ,
Гибель близкую торопитъ,
Бьетъ крыломъ и въ морѣ топить—
И царевичу потомъ
Молвить русскимъ языкомъ:
„Ты, царевичъ, мой спаситель,
Мой могучій избавитель,
Не тужи, что за меня
Бѣть не будешь ты три дня.
Что стрѣла пропала въ морѣ.
Это горе—все не горе.
Отплатчу тебѣ добромъ,
Сослужу тебѣ потомъ:
Ты не лебедь вѣдь избавилъ,—
Дѣвицу въ живыхъ оставилъ;
Ты не коршуна убилъ,—
Чародѣя подстрѣлилъ.
Ввѣкъ тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись.

Улетѣла лебедь-птица,
А царевичъ и царица,
Цѣлый день проведши такъ,

Лечь рѣшились на тощакъ.—
 Вотъ открылъ царевичъ очи,
 Отрясая грезы ночи,
 И, дивясь, передъ собой
 Видитъ городъ онъ большой:
 Стѣны съ частыми зубцами,

И за бѣлыми стѣнами
 Блещутъ маковки церквей
 И святыхъ монастырей.
 Онъ скорѣй царицу будить;
 Та какъ ахнетъ!... „То ли будетъ?
 Говоритъ онъ, вижу я—
 Лебедь тѣшится моя“.
 Мать и сынъ идутъ ко граду.
 Лишь ступили за ограду,
 Оглушительный трезвонъ

Поднялся со всѣхъ сторонъ;
 Къ нимъ народъ навстрѣчу валить,
 Хоръ церковный Бога хвалить;
 Въ колымагахъ золотыхъ
 Пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ;
 Всѣ ихъ громко величаютъ
 И царевича вѣнчаютъ
 Князей шапкой, и главой

Возглашаютъ надъ собой.
 И среди своей столицы,
 Въ тотъ же день сталъ княжить онъ
 И нарека: князь Гвидонъ.

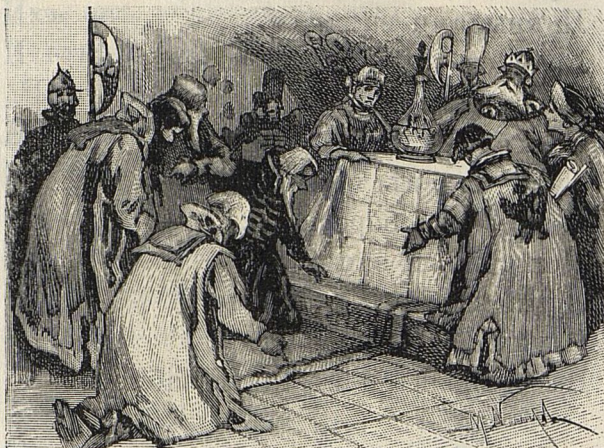
Вѣтеръ на морѣ гуляетъ
 И корабликъ подгоняетъ,
 Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
 На раздутыхъ парусахъ.
 Корабельщики дивятся,
 На корабликъ толпятся,—

На знакомомъ острову
Чудо видятъ на яву:
Городъ новый, златоглавый
Пристань съ крѣпкою заставой,
Пушки съ пристани палать,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости;
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,—
Ихъ онъ кормить и поить
И отвѣтъ держать велить:
„Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?“
Корабельщики въ отвѣтъ;
„Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь намъ вышелъ срокъ,
Ѣдемъ прямо на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана“.
Князь имъ вымолвилъ тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю, по окіану,
Къ славному царю Салтану;
Отъ меня ему поклонъ.—
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Съ берега душой печальной
Провожаетъ бѣгъ ихъ дальній.
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
„Здравствуй князь ты мой прекрасный!
Что ты тихъ, какъ день ненастный?
Опечалился чему?“

Говорить она ему.
Князь печально отвѣчаетъ:
„Грусть-тоска меня съѣдаетъ,
Одолѣла молодца:
Видѣть я-бъ хотѣлъ отца“. —
Лебедь князю: „вотъ въ чемъ горе!
Ну, послушай: хочешь въ море
Полетѣть за кораблемъ?
Будь же, князь, ты комаромъ“.
И крылами замахала,
Воду съ шумомъ расплескала
И обрызгала его
Съ головы до ногъ всего.
Тутъ онъ въ точку уменьшился,
Комаромъ оборотился;
Полетѣлъ и запищалъ,
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корабль—и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумить;
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Къ царству славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости —
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видить: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ

Съ грустной думой на лицѣ;
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Около царя сидятъ
 И въ глаза ему глядятъ.
 Царь Салтантъ гостей сажаетъ
 За свой столъ и вопрошаетъ:
 „Ой вы, гости-господа,

Долго-ль ѣздили? куда?
 Ладно-ль за моремъ, иль худо?
 И какое въ свѣтѣ чудо?“
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 „Мы объѣхали весь свѣтъ;
 За моремъ житье не худо,
 Въ свѣтѣ-жъ вотъ какое чудо:
 Въ морѣ островъ былъ крутой,
 Непривольный, нежилой;
 Онъ лежалъ густой равниной;
 Росъ на немъ дубокъ единый;

А теперь стоитъ на немъ
Новый городъ со дворцомъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и съ садами,
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ“.
Царь Салтанъ дивится чуду;
Молвилъ онъ: „коль живъ я буду,
Чудный городъ навѣщу,
У Гвидона погощу“.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.
„Ужъ диковинка,—ну, право“,
Подмигнувъ другимъ лукаво,
Повариха говоритъ,—
„Городъ у моря стоитъ!
Знайте, вотъ что не бездѣлка,—
Есть въ лѣсу подъ елью бѣлка,
Бѣлка пѣсенки поетъ
И орѣшки все грызетъ.
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ.
Вотъ что чудомъ-то зовутъ!“
Чуду царь Салтанъ дивится,
А комаръ-то злится, злится—
И впился комаръ какъ разъ
Теткѣ прямо въ правый глазъ.
Повариха поблѣднѣла,
Обмерла и окривѣла.
Слуги, сватья и сестра

Съ крикомъ ловять комара.
„Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!...“ А онъ въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Снова князь у моря ходить,
Съ синя моря глазъ не сводить;
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
„Здравствуй князь ты мой прекрасный!
Что-жъ ты тихъ, какъ день ненастный?
Опечалился чему?“
Говорить она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
„Грусть-тоска меня съѣдаетъ;
Чудо чудное завестъ
Мнѣ-бъ хотѣлось. Гдѣ-то есть
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Диво, право, не бездѣлка:
Бѣлка пѣсенки поетъ
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Но, быть можетъ, люди врутъ“.
Князю лебедь отвѣчаетъ:
„Свѣтъ о бѣлкѣ правду баетъ—
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебѣ я въ дружбу“.
Съ ободренною душой

Князь пошелъ себѣ домой;
 Лишь ступилъ на дворъ широкій—
 Что-жь? Подъ елкою высокой,
 Видить, бѣлочка при всѣхъ
 Золотой грызетъ орѣхъ,

Изумрудецъ вынимаетъ,
 А скорлупку собираетъ,
 Кучки ровныя кладетъ
 И съ присвисточкой поетъ
 При честномъ, при всемъ народѣ:
„Во саду ли въ огородѣ“.
 Изумился князь Гвидонъ.
 „Ну спасибо, молвилъ онъ,
 Ай-да лебедь,—дай ей, Боже,
 Что и мнѣ, веселье тоже“.

Князь для бѣлочки потомъ
Выстроилъ хрустальный домъ,
Караулъ къ нему приставилъ
И притомъ дьяка заставилъ
Строгій счетъ орѣхамъ вестъ:
Князю—прибыль, бѣлкѣ—честь.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ.
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости;
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,—
Ихъ и кормить, и поить,
И отвѣтъ держать велить:
„Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете
И куда теперь плывете?“
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали мы конями,
Все донскими жеребцами,
А теперь намъ вышелъ срокъ—
И лежитъ намъ путь далекъ:
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана“.
Говорить имъ князь тогда:
„Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіану,
Къ славному царю Салтану;

Да скажите: князь Гвидонъ
Шлетъ царю-де свой поклонъ“.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь, а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Молвить князь: душа-де просить,
Такъ и тянетъ и уносить...
Вотъ опять она его
Вмигъ обрызгала всего:
Въ муху князь оборотился,
Полетѣлъ и опустился
Между моря и небесъ
На корабль—и въ щель залѣзъ.

Вѣтеръ весело шумить;
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана,—
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видить: весь сія въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ Бабарихой,
Да съ кривою поварихой,
Около царя сидятъ,

Злыми жабами глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
„Ой вы, гости-господа,
Долго-ль ѣздили? куда?
Ладно-ль за моремъ, иль худо
И какое въ свѣтѣ чудо?“
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ.
Градъ на островѣ стоитъ
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами да садами;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка тамъ живетъ ручная,
Да затѣйница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Слуги бѣлку стерегутъ,
Служать ей прислугой разной—
И приставленъ дьякъ приказный
Строгій счетъ орѣхамъ вестъ.
Отдаетъ ей войско честь;
Изъ скорлупокъ лютъ монету
Да пускаютъ въ ходъ по свѣту;
Дѣвки сыплютъ изумрудъ
Въ кладовыя да подспудъ:

Всѣ въ томъ островѣ богаты,—
Изобѣ нѣтъ, вездѣ палаты;
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ,
Онъ тебѣ прислалъ поклонъ“.
Царь Салтанъ дивится чуду:
„Если только живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона погощу“.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.
Усмѣхнувшись изподтиха,
Говоритъ парю ткачиха:
„Что тутъ дивнаго? ну, вотъ!
Бѣлка камушки грызетъ,
Мечетъ золото, и въ груды
Загребаетъ изумруды;
Этимъ насъ не удивишь,
Правду-ль, нѣтъ-ли говоришь.
Въ свѣтѣ есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разольется въ шумномъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ—красавцы удалые
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
Это диво, такъ ужъ диво,

Можно молвить справедливо!“
Гости умные молчатъ,
Спорить съ нею не хотятъ.
Диву царь Салтанъ дивится
А Гвидонъ-то злится, злится...
Зажужжалъ онъ и какъ-разъ
Теткѣ сѣлъ на лѣвый глазъ,
И ткачиха поблѣднѣла
„Ай!“ и тутъ же окривѣла.
Всѣ кричатъ: „лови, лови,
Да дави ее, дави...
Вотъ ужо! постой немножко.
Погоди...“ А князь въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море прилетѣлъ.

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тихъ, какъ день ненастный?
Опечалился чему?“
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
„Грусть-тоска меня съѣдаетъ—
Диво-бъ дивное хотѣлъ
Перенести я въ мой удѣлъ“.
„А какое жъ это диво?“
— „Гдѣ-то вздуется бурливо
Окіанъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,

И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ—красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ“.
Князю лебедь отвѣчаетъ:
„Вотъ что, князь, тебя смущаетъ?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морскіе
Мнѣ вѣдь братья всѣ родные.
Не печалься же, ступай,
Въ гости братцевъ поджидай“.

Князь пошелъ, забывши горе,
Сѣлъ на башню, и на море
Сталъ глядѣть онъ; море вдругъ
Всколыхалось вокругъ,
Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ
И оставило на брегѣ
Тридцать три богатыря;
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Идутъ витязи четами,
И блистая сѣдинами,
Дядька впереди идетъ
И ко граду ихъ ведетъ.
Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ,
Дорогихъ гостей встрѣчаетъ;
Второпяхъ народъ бѣжитъ;
Дядька князю говоритъ:
„Лебедь насъ къ тебѣ послала“.

И наказомъ наказала
 Славный городъ твой хранить
 И дозоромъ обходить.
 Мы отнынѣ ежедневно
 Вмѣстѣ будемъ непремѣнно
 У высокихъ стѣнъ твоихъ
 Выходить изъ водъ морскихъ.
 Такъ увидимся мы вскорѣ,
 А теперь пора намъ въ море;

Тяжекъ воздухъ намъ земли“.
 Всѣ потомъ домой ушли.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
 И корабликъ подгоняетъ;
 Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
 На поднятыхъ парусахъ
 Мимо острова крутого,
 Мимо города большого;
 Пушки съ пристани палятъ,

Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости;
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ и кормить, и поить,
И отвѣтъ держать велить:
„Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете
И куда теперь плывете?“
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы булатомъ,
Чистымъ серебромъ и златомъ,
И теперь намъ вышелъ срокъ;
А лежитъ намъ путь далекъ—
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана“.
Говорить имъ князь тогда:
„Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіану,
Къ славному царю Салтану:
Да скажите жъ: князь Гвидонъ
Шлетъ-де свой царю поклонъ“.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь, а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Князь опять: душа-де просить,
Такъ и тянетъ и уносить,—
И опять она его
Вмигъ обрызгала всего.
Тутъ онъ очень уменьшился,—
Шмелемъ князь оборотился,
Полетѣлъ и зажуужалъ,

Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корму и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумить;
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.

Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними въ дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сія въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ,
На престолѣ и въ вѣнцѣ,
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
„Ой вы, гости господа,
Долго-ль ѣздили? куда?
Ладно-ль за моремъ иль худо

И какое въ свѣтѣ чудо?“
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ
За моремъ житье не худо;
Въ свѣтѣ-жъ вотъ какое чудо:

Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Каждый день идетъ тамъ диво:
Море вздуется бурливо
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ—
И останутся на брегѣ
Тридцать три богатыря,
Въ чешуѣ златой горя;
Всѣ—красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ;
Старый дядька Черноморъ
Съ ними изъ моря выходитъ
И попарно ихъ выводитъ,
Чтобы островъ тотъ хранить
И дозоромъ обходить.
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А сидитъ тамъ князь Гвидонъ,
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ“.
Царь Салтанъ дивится чуду:
„Коли живъ я только буду,
Чудной островъ навѣщу
И у князя погощу“.
Повариха и ткачиха
Ни гугу—но Бабариха,
Усмѣхнувшись, говоритъ:
„Кто насъ этимъ удивить?
Люди изъ моря выходятъ
И себѣ дозоромъ бродятъ,
Правду-ль баютъ или лгутъ,

Дива я не вижу тутъ.
Въ свѣтѣ есть такія-ль дива?
Вотъ идетъ молва правдива:
За моремъ царевна есть,
Что не можно глазъ отвести—
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ;
Мѣсяцъ подъ косою блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выплываетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Молвить можно справедливо,
Это диво, такъ ужъ диво“.
Гости умные молчатъ:
Спорить съ бабой не хотятъ.
Чуду царь Салтанъ дивится,
А царевичъ хоть и злится,
Но жалѣетъ онъ очей
Старой бабушки своей.
Онъ надъ ней жужжитъ, кружится,
Прямо на носъ къ ней садится,
Носъ ужалилъ богатырь,—
На носу вскочилъ волдырь.
И опять пошла тревога:
„Помогите, ради Бога!
Караулъ! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вотъ ужъ! пожди немножко,
Погоди!... А шмель въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.“

Князь у синя моря ходить,
Съ синя моря глазъ не сводить;
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что-жъ ты тихъ, какъ день ненастный?
Опечалился чему?“
Говорить она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
„Грусть-тоска меня съѣдаетъ—
Люди женятся; гляжу,
Не женатъ лишь я хожу“.
„А кого же на примѣтъ
Ты имѣешь?“ Да на свѣтѣ,
Говорятъ, царевна есть,
Что не можно глазъ отвести;
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выступаетъ, точно пава;
Сладку рѣчь-то говоритъ,
Будто рѣченька журчитъ.
Только, полно, правда ль это?“
Князь со страхомъ ждетъ отвѣта.
Лебедь бѣлая молчитъ
И подумавъ, говоритъ:
„Да! такая есть дѣвица.
Но жена—не рукавица:
Съ бѣлой ручки не стряхнешь,
Да за поясъ не заткнешь,
Услужу тебѣ совѣтомъ—

Слушай: обо всемъ объ этомъ
Пораздумай ты путемъ,
Не раскаяться бѣ потомъ“.
Князь предъ нею сталъ божиться,
Что пора ему жениться;
Что объ этомъ, обо всемъ
Передумалъ онъ путемъ;
Что готовъ душою страстной
За царевною прекрасной
Онъ пѣшкомъ идти отсель,
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тутъ, вздохнувъ глубоко,
Молвила: „зачѣмъ далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Вѣдь царевна эта—я“.
Тутъ она взмахнувъ крылами,
Полетѣла надъ волнами
И на берегъ съ высоты
Опустилася въ кусты,
Встрепенулась, отряхнулася
И царевной обернулася:
Мѣсяцъ подъ косою блестить,
А во лбу звѣзда горитъ,
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Князь царевну обнимаетъ,
Къ бѣлой груди прижимаетъ
И ведетъ ее скорѣй
Къ милой матушкѣ своей.
Князь ей въ ноги, умоляя:
„Государыня родная!

Выбралъ я жену себѣ,
Дочь послушную тебѣ;

Просимъ оба разрѣшенья,
Твоего благословенья:
Ты дѣтей благослови
Жить въ совѣтѣ и въ любви“.
Надъ главою ихъ покорной
Мать съ иконою чудотворной
Слезы льетъ и говоритъ:
„Богъ васъ дѣти наградить“.
Князь недолго собирался,

На царевнѣ обвѣнчался;
Стали жить да поживать...

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости;
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости, —
Онъ ихъ кормитъ и поитъ,
И отвѣтъ держать велитъ:
„Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете
И куда теперь плывете?“

Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ:
Торговали мы не даромъ
Неуказаннымъ товаромъ;
А лежитъ намъ путь далекъ:
Во свояси на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана“.
Князь имъ вымолвилъ тогда:
„Добрый путь вамъ, господа,
По морю, по окіану,
Къ славному царю Салтану;
Да напомнимъ ему,
Государю своему,—
Къ намъ онъ въ гости объщался,
А доселѣ не собрался.
Шлю ему я свой поклонъ“.
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Дома на сей разъ остался
И съ женою не разстался.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Къ царству славнаго Салтана;
И знакомая страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости,
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости.
Гости видятъ: во дворцѣ
Царь сидитъ въ своемъ вѣнцѣ,
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,

Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
„Ой вы, гости-господа,
Долго-ль ѣздили? Куда?
Ладно-ль за моремъ, иль худо,
И какое въ свѣтѣ чудо?“
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо,
Въ свѣтѣ-жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка въ немъ живетъ ручная,
Да чудесница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ;
А орѣшки не простые,
Скорлупы-то золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ;
Бѣлку холятъ, берегутъ.
Тамъ еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,

Тридцать три богатыря,
Всѣ — красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А у князя женка есть,
Что не можно глазъ отвести:
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подъ косою блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
Князь Гвидонъ тотъ городъ правитъ,
Всякъ его усердно славитъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ,
Да тебѣ пеняетъ онъ:
Къ намъ-де въ гости общался,
А доселѣ не собрался“.
Тутъ ужъ царь не утерпѣлъ,
Снарядитъ онъ флотъ велѣлъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ царя пустить
Чудный островъ навѣститъ.
Но Салтанъ имъ не внимаетъ
И какъ-разъ ихъ унимаетъ:
„Что я? царь или дитя?“
Говоритъ онъ не шутя,
„Нынче-жъ ѣду“ — Тутъ онъ топнулъ,
Вышелъ вонъ и дверью хлопнулъ.
Подъ окномъ Гвидонъ сидитъ,

Молча на море глядитъ:
Не шумитъ оно, не хлещетъ,
Лишь едва-едва трепещетъ,
И въ лазоревой дали
Показались корабли;
По равнинамъ окіяна
Бдетъ флотъ царя Салтана.
Князь Гвидонъ тогда вскочилъ,
Громогласно возопилъ:
„Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Бдетъ батюшка сюда“.
Флотъ ужъ къ острову подходитъ.
Князь Гвидонъ трубу наводитъ:
Царь на палубѣ стоитъ,
И въ трубу на нихъ глядитъ;
Съ нимъ ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются онѣ
Незнакомой сторонѣ.
Разомъ пушки запалили,
Въ колокольныхъ зазвонили...
Къ морю самъ идетъ Гвидонъ;
Тамъ царя встрѣчаетъ онъ
Съ поварихой и ткачихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;
Въ городъ онъ повелъ царя,
Ничего не говоря.

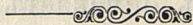
Всѣ теперь идутъ въ палаты,
У воротъ блистаютъ латы,
И стоятъ въ глазахъ царя

Тридцать три богатыря,
 Всѣ — красавцы молодые,
 Великаны удалые,
 Всѣ равны, какъ на подборъ,
 Съ ними дядька Черноморъ.
 Царь вступилъ на дворъ широкій;
 Тамъ подъ елкою высокой

Бѣлка пѣсенку поетъ,
 Золотой орѣхъ грызетъ,
 Изумрудецъ вынимаетъ
 И въ мѣшочекъ опускаетъ;
 И засѣянъ дворъ большой
 Золотою скорлупой,
 Гости далѣ — торопливо
 Смотрятъ — что жъ? Княгиня-диво:

Подъ косой луна блеситъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава
И свекровь съ собой ведетъ.
Царь глядитъ и узнаетъ...
Въ немъ разыграло ретивое!
„Что я вижу? Что такое?
Какъ!“ и духъ въ немъ занялся...
Царь слезами залился,
Обнимаетъ онъ царицу
И сына, и молодицу;
И садятся всѣ за столъ,
И веселый пиръ пошелъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Разбѣжались по угламъ;
Ихъ нашли насилу тамъ.
Тутъ во всемъ онъ признались,
Повинились, разрыдались...
Царь для радости такой
Отпустилъ всѣхъ трехъ домой.
День прошелъ — царя Салтана
Уложили спать въ полъяна.
Я тамъ былъ: медъ, пиво пилъ
И усы лишь обмочилъ.

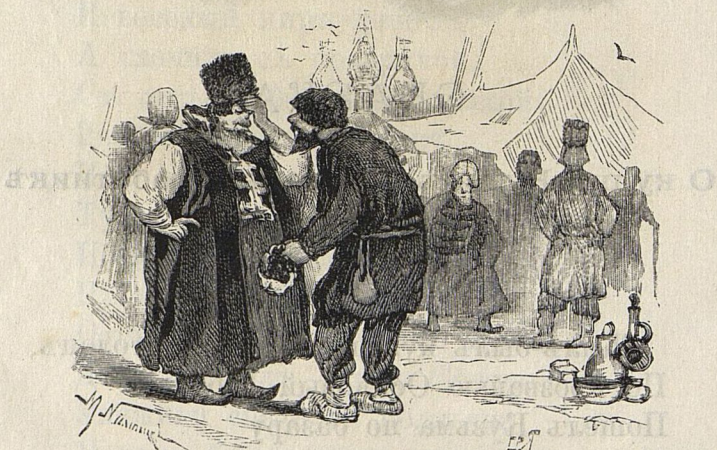

СКАЗКА

О купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ.

Жилъ-былъ купецъ Кузьма Остолопъ,
По прозванью Осиновый Лобъ.
Пошелъ Кузьма по базару
Посмотрѣть кой-какого товару.
На встрѣчу ему Балда
Идетъ, самъ незная куда.
„Что дядюшка, такъ рано поднялся?
Чего ты взыскался?“
Кузьма ему въ отвѣтъ:
„Нуженъ мнѣ работникъ —
Поваръ, конюхъ и плотникъ.
А гдѣ найти мнѣ такого

Служителя не слишкомъ дорогого?“
 Балда говоритъ:
 „Буду служить тебѣ славно,
 Усердно и очень исправно
 Въ годъ за три щелчка тебѣ по лбу;
 Ъсть же мнѣ давай вареную полбу“.
 Призадумался нашъ Кузьма Остолопъ,
 Сталъ почесывать лобъ:
 Щелчокъ щелчку вѣдь розъ —
 Да понадѣялся на русскій авось.
 Кузьма говоритъ Балдѣ: „Ладно;

Не будетъ намъ обоимъ накладно.
 Поживи-ка на моемъ подворьѣ,
 Окажи свое усердіе и проворье“.
 Живетъ Балда въ купеческомъ домѣ,
 Спитъ себѣ на соломѣ,
 Ъсть за четверыхъ,
 Работаетъ за семерыхъ;

До свѣтла все у него пляшетъ,
 Лошадь запряжетъ, полосу вспашетъ,
 Печь затопить, все заготовить, закупить,
 Яичко испечетъ, да самъ и облупить.
 Хозяйка Балдой не нахвалится,
 Ихъ дочка о Балдѣ лишь печалится,
 Сынокъ ихъ зоветъ Балду тятей;
 Кашу заварить, нянчиться съ дитятей;
 Одинъ Кузьма лишь Балду не любитъ,
 Никогда его не приголубить,
 О расплатѣ думаетъ частенько.
 Время идетъ и срокъ ужъ близенько.
 Кузьма не ѣстъ, не пьетъ, ночи не спитъ.
 Лобъ у него заранѣ трещитъ.
 Вотъ онъ женѣ признается:
 —Такъ и такъ, что дѣлать остается?
 Умъ у бабы догадливъ,
 На всякія хитрости повадливъ.—
 Хозяйка Кузьмѣ говоритъ: Знаю средство,
 Какъ удалить отъ насъ такое бѣдство:
 Закажи Балдѣ службу, чтобъ стало ему не въ
 [мочь,
 А требуй, чтобъ онъ ее исполнилъ точъ въ точъ;
 Тѣмъ ты и лобъ отъ расправы избавишь,
 И Балду-то безъ расплаты отправишь“. Я
 Стало на сердцѣ у Кузьмы веселѣе;
 Началъ онъ глядѣть на Балду по смѣлѣе.
 Вотъ онъ кричитъ: „поди-ка сюда,
 Вѣрный мой работникъ Балда.
 Слушай: платить обязались черти
 Мнѣ оброкъ до самой моей смерти.
 Лучшаго бѣ не надобно дохода,
 Да есть на нихъ недоимки за три года.

Какъ наѣхъся ты своей полбы,
 Собери-ка съ чертей оброкъ мнѣ полный“.
 Балда съ Кузьмой понапрасну не споря,
 Пошелъ, да и сѣлъ у берега моря;
 Тамъ онъ сталъ веревку крутить,
 Да конецъ ея въ морѣ мочить.

Вотъ изъ моря вылѣзъ старый бѣсъ:
 „Зачѣмъ ты, Балда, къ намъ залѣзъ?“
 — Да вотъ веревкой хочу море морщить,
 Да васъ, проклятое племя, корчить:
 Бѣса стараго взяла тутъ унылость:
 „Скажи, за что такая немилость?“
 — Какъ за что? Вы не платите оброка,
 Не помните положеннаго срока;
 Вотъ ужъ будетъ намъ потѣха,

Вамъ, собакамъ, великая помѣха!
„Балдушка, погоди ты морщить море,
Оброкъ сполна ты получишь вскорѣ.
Погоди, вышлю къ тебѣ внука“.
Балда мыслить: „этого провестъ не штука!“
Вынырнулъ подосланный бѣсенокъ,
Замяукалъ онъ, какъ голодный котенокъ.
„Здравствуй, Балда мужичекъ,
Какой тебѣ надобенъ оброкъ?
Объ оброкъ вѣкъ мы не слыхали,
Не было чертямъ такой печали;
Ну, такъ и быть—возьми; да съ уговору,
Съ общаго нашего приговору—
Чтобъ впередъ не было никому горя;
Кто скорѣе изъ насъ обѣжитъ около моря,
Тотъ и бери себѣ полный оброкъ,
Между тѣмъ приготовятъ тамъ и мѣшокъ“.
Засмѣялся Балда лукаво:
„Что это ты выдумалъ, право?
Гдѣ тебѣ тягаться со мною,
Со мною, съ самимъ Балдою?
Экаго послали супостата!
Подожди-ка моего меньшого брата“.
Пошелъ Балда въ ближній лѣсокъ,
Поймалъ двухъ зайцевъ, да въ мѣшокъ.
Къ морю опять онъ приходитъ,
У моря бѣсенка находитъ.
Держитъ Балда за уши одного зайку:
„Попляши-ка подъ нашу балалайку;
Ты, бѣсенокъ, еще молоденецъ,
Со мною тягаться слабенекъ—
Это было-бъ лишь времени трата,
Обгони-ка сперва моего брата.“

Разъ, два, три! Догоняйка“.
 Пустились бѣсенокъ и зайка:
 Бѣсенокъ по берегу морскому,
 А зайка въ лѣсокъ до дому.

Вотъ, море кругомъ обѣжавши,
 Высунувъ языкъ, мордку поднявши,
 Прибѣжалъ бѣсенокъ, задыхаясь,
 Весь мокрешенекъ, лапкой утираясь,
 Мысля: дѣло съ Балдою сладить.
 Глядь—а Балда братца гладить,
 Приговаривая: „братецъ мой любимый,
 Усталъ, бѣдняжка! отдохни, родимый“.
 Бѣсенокъ оторопѣлъ,
 Хвостикъ поджалъ, совсѣмъ присмирѣлъ,
 На братца поглядываетъ бокомъ,

„Погоди“, говоритъ, „схожу за оброкомъ“.
Пошелъ къ дѣду; говоритъ: „бѣда!
Обогналъ меня меньшей балда!“
Старый бѣсъ сталъ тутъ думать думу;
А Балда надѣлалъ такого шуму,
Что все море смутилось
И волнами такъ и расходилось.
Вылѣзъ бѣсенокъ: „Полно, мужичекъ,
Вышлемъ тебѣ весь оброкъ—
Только слушай: видишь ты палку эту!
Выбери себѣ любую мѣту—
Кто далѣе палку бросить,
Тотъ пускай и оброкъ уносить.
Что жъ? Боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?“—Да жду вонъ этой тучки;
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну съ вами, чертями, свалку.—
Испугался бѣсенокъ, да къ дѣду
Разсказывать про Балдову побѣду;
А Балда надъ моремъ опять шумить,
Да чертямъ веревкой грозить.
Вылѣзъ опять бѣсенокъ: „что ты хлопочешь,
Будетъ тебѣ оброкъ, коли захочешь“....
—Нѣтъ, говоритъ Балда,
Теперь моя чередѣ—
Условіе самъ назначу,
Задамъ тебѣ, враженекъ, задачу.
Посмотримъ, какова у тебя сила!
Видишь тамъ сивая кобыла?
Кобылу подыми-ка ты,
Да неси ее полверсты;
Снесешь кобылу—оброкъ ужъ твой;
Не снесешь кобылы—онъ будетъ мой“.

Бѣдненькій бѣсъ
Подъ кобылу подлѣзъ,

Понатужился,
Понапружился,
Приподнявъ кобылу, два шага шагнулъ,
На третьемъ упалъ, ножки протянулъ.
А Балда ему: „Глупый ты бѣсъ,
Куда ты за нами полѣзъ?
И руками снести не смогъ,
А я, смотри, снесу промежъ ногъ“.
Сѣлъ Балда на кобылу верхомъ,
Да версту проскакалъ, такъ что пыль столбомъ.
Испугался бѣсенокъ, и къ дѣду
Пошелъ рассказывать про такую побѣду.
Дѣлать нечего—черти собрали полный оброкъ,
Да на Балду взвалили мѣшокъ.
Идетъ Балда, побрякиваетъ,
А Кузьма, завидя Балду, вскакиваетъ,
За хозяйку прячется,

Со страху корячится.
Балда его тутъ отыскаль,

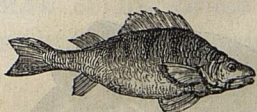
Отдалъ оброкъ, платы требовать сталъ.
Бѣдный купецъ Кузьма Остолопъ

Подставилъ лобъ.
Съ перваго щелчка—
Прыгнулъ Кузьма до потолка,
Со втораго щелчка—
Лишился Кузьма языка,
А съ третьяго щелчка—
Вышибло умъ у старика.

А Балда приговаривалъ съ укоризной:
„Не гонялся бы ты, Кузьма за дешевизной!...“

СКАЗКА О рыбацѣ и рыбкѣ.

(1833 г.)

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ —
Пришелъ неводъ съ одной тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ —
Пришелъ неводъ съ травой морскою;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ —
Пришелъ неводъ съ золотою рыбкой,

Съ непростой рыбкой, золотою.
Какъ взмолился золотая рыбка,
Голосомъ молвить человѣчьимъ:
„Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь“.

Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
„Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ. —
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разказалъ ей великое чудо:
„Я сегодня поймалъ было рыбку,

Золотую рыбку, не простую;
 По нашему говорила рыбка,
 Домой въ море синее просилась,
 Дорогою цѣной откупалась:
 Откупалась, чѣмъ только пожелаю.
 Не посмѣлъ я взять съ нее выкупъ,
 Такъ пустилъ ее въ синее море“.
 Старика старуха забранила:

— Дурачина ты, простофиля!
 Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
 Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
 Наше-то совсѣмъ раскололось. —
 Вотъ пошелъ онъ къ синему морю;
 Видитъ море слегка разыгралось.
 Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
 Приплыла къ нему рыбка и спросила:

„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто,—
Наше-то совсѣмъ расколосось.—

Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто“.
Воротился старикъ ко старухѣ —
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
— Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много-ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ,
Поклонись ей, выпроси ужъ избу.—
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю;
Помутилося синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня рыбка!

Еще пуще старуха бранится,
 Не даетъ старику мнѣ покою:
 Избу просить, сварливая баба.—
 Отвѣчаетъ золотая рыбка:

„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
 Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ“.
 Пошелъ онъ къ своей землянкѣ,
 А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
 Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
 Съ кирпичною, бѣленою трубою,
 Съ дубовыми, тесовыми воротами.
 Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
 На чемъ свѣтъ стоитъ, мужа ругаетъ:
 — Дурачина ты, прямой простофиля:
 Выпросилъ, простофиля, избу!
 Воротись, поклонися рыбкѣ:

Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой.—

Пошелъ старикъ къ синему морю;
Неспокойно синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой
Хочетъ быть столбовою дворянкой“.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!“

Воротился старикъ ко старухѣ;
Что жъ онъ видитъ? Высокій теремъ...
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,

Парчевая на маковѣхъ кичка,
 Жемчуги окружили шею,
 На рукахъ золотые перстни,
 На ногахъ красные сапожки.
 Передъ нею усердные слуги, —
 Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.

Говоритъ старикъ своей старухѣ:
 „Здравствуй, барыня-сударыня дворянка!
 Чай, теперь твоя душенька довольна?“
 На него прикрикнула старуха,
 На конюшню служить его послала.

Вотъ недѣля, другая проходитъ,
 Еще пуще старуха вздурилась, —

Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ.
„Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей“.
Испугался старикъ, взмолился:
— Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь —
Насмѣшишь ты цѣлое царство. —
Осердилася пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа:
„Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честию,
Не пойдешь, — поведутъ по неволѣ“.

Старичекъ отправился къ морю;
Почернѣло синее море,

Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольною царицей.—
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!“

Старичекъ къ старухѣ воротился.
Что жъ? Предъ нимъ царскія палаты.
Въ палатахъ видитъ свою старуху:
За столомъ сидитъ она царицей,
Служать ей бояре да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вина,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ — испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: „здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна?“
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали;
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
„По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!“

Впредь тебѣ, невѣжа, наука —
Не садися не въ свои сани!“

Вотъ недѣля, другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говорить старику старуха:
„Воротись, поклонися рыбкѣ —
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мнѣ въ окіянь-морѣ,

Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была-бъ у меня на посылкахъ“.

Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперекъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видить: на морѣ черная буря —
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морскою,
Чтобы жить ей въ окіянь-морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылкахъ.
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ въ водѣ плеснула

И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта;
Не дождался, къ старухѣ воротился —

Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А предъ нею разбитое корыто.

СКАЗКА
о мертвой царевнѣ и о семи
богатыряхъ.

(1833 г.)

Царь съ царицею простился,
Въ путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Съла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи,
Смотрить въ поле, инда очи

Разболѣлись, гляючи
 Съ бѣлой зори до ночи.
 Не видать милого друга!
 Только видить: вьется вьюга,
 Снѣгъ валится на поля,
 Вся бѣлешенька земля,
 Девять мѣсяцевъ проходить,
 Съ поля глазъ она не сводить.

Вотъ въ сочельникъ въ самый, въ ночь,
 Богъ даетъ царицѣ дочь.

Рано утромъ гость желанный,
 День и ночь такъ долго жданный,
 Издалеча, наконецъ
 Воротился царь-отецъ.
 На него она взглянула,

Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла,
И къ обѣднѣ умерла.

Долго царь былъ неутѣшенъ;
Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ:
Годъ прошелъ, какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица,
Ужъ и впрямь была царица:
Высока, стройна, бѣла,
И умомъ, и всѣмъ взяла;
Но за то горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Говорить оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела;
Съ нимъ привѣтливо шутила,
И красуясь говорила:
„Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я-ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
„Ты, конечно, спору нѣтъ;
Ты, царица, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе“.
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,

И прищелкивать перстами,
И вертѣться подбочась,
Гордо въ зеркальце глядяся.

Но царевна молодая,
Тихомолкомъ разцвѣтая,
Между тѣмъ росла, росла,
Поднялась—и расцвѣла.
Бѣлолица, черноброва,
Нрава кроткаго такого.
И женихъ сыскался ей,—
Королевичъ Елисей.
Сватъ пріѣхалъ; царь далъ слово:
А приданое готово:
Семь торговыхъ городовъ,
Да сто сорокъ теремовъ.

На дѣвичникъ собираясь,
Вотъ царица, наряжаясь
Передъ зеркальцемъ своимъ,
Перемолвилася съ нимъ:
„Я-ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?
Что же зеркальце въ отвѣтъ:
„Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но царевна всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе“.
Какъ царица отпрыгнетъ,
Да какъ ручку замахнетъ,
Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
Каблучкомъ-то какъ притопнетъ!..
„Ахъ ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мнѣ на зло.“

Какъ тятаться ей со мною?
 Я въ ней дурь-то успокою.
 Но скажи: какъ можно ей
 Быть во всемъ меня милѣй?
 Признавайся: всѣхъ я краше.
 Обойди все царство наше,
 Хоть весь міръ, мнѣ равной нѣтъ.

Такъ-ли?“ Зеркальце въ отвѣтъ:
 „А царевна все-жъ милѣе,
 Все румянѣй и бѣлѣе“.
 Дѣлать нечего. Она,
 Черной зависти полна,
 Бросивъ зеркальце подъ лавку,
 Позвала къ себѣ Чернавку,
 И наказываетъ ей,
 Сынной дѣвушкѣ своей,
 Вестъ царевну въ глушь лѣсную,
 И, связавъ ее, живую
 Подъ сосной оставить тамъ
 На съѣденіе волкамъ.

Чортъ-ли сладить съ бабой гнѣвной?
 Спорить нечего. Съ царевной
 Вотъ чернавка въ лѣсъ пошла,
 И въ такую даль свела,
 Что царевна догадалась,
 И до смерти испугалась,
 И взмолилась: „жизнь моя!
 Въ чемъ, скажи, виновна я?
 Не губи меня, дѣвица!
 А какъ буду я царица,
 Я пожалую тебя“.
 Та, въ душѣ ее любя,
 Не убила, не связала,
 Отпустила и сказала:

„Не кручинься, Богъ съ тобой.
 А сама пришла домой
 „Что?“ сказала ей царица,
 „Гдѣ красавица дѣвица?“
 — Тамъ, въ лѣсу, стоитъ одна,
 Отвѣчала ей она,

Крѣпко связаны ей локти;
Попадется звѣрю въ когти,
Меньше будетъ ей терпѣть,
Легче будетъ умереть.—

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужить бѣдный царь по ней.
Королевичъ Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется въ дорогу
За красавицей-душой,
За невѣстой молодой.

Но невѣста молодая,
До зари въ лѣсу блуждая,
Между тѣмъ все шла да шла,
И на теремъ набрела.
Ей на встрѣчу пестъ, залая,
Прибѣжалъ и смолкъ, играя;
Въ ворота вошла она:—
На подворьѣ тишина,
Пестъ бѣжить за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо,
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
Лавки, крытыя ковромъ,
Подъ святыми столъ дубовый,
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ

Люди добрые живутъ;
Знать, не будетъ ей обидно.
Никого межъ тѣмъ не видно.
Домъ царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку,
На палати взобралась
И тихонько улеглась.

Часъ обѣда приближался;
Топотъ по двору раздался:
Входятъ семь богатырей,
Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ: „что за диво!
Все такъ чисто и красиво.
Кто-то теремъ прибиралъ
Да хозяевъ поджидать.
Кто-же? выдь и покажися,
Съ нами честно подружися:
Коль ты старый человѣкъ, —
Дядей будешь намъ навѣкъ;
Коли парень ты румяный, —
Братецъ будешь намъ названный;
Коль старушка, — будь намъ мать,
Такъ и станемъ величать;
Коли красная дѣвица, —
Будь намъ милая сестрица“.

И царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась;
Закраснѣвшись, извинилась,

Что-де въ гости къ нимъ зашла,
 Хоть звана и не была.
 Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
 Что царевну принимали;
 Усадили въ уголокъ,
 Подносили пирожокъ,
 Рюмку полну наливали,
 На подносѣ подавали.
 Отъ зеленаго вина
 Отрекалася она;
 Пирожокъ лишь разломила,

Да кусочекъ прикусила,
 И съ дороги отдыхать
 Отпросилась на кровать.
 Отвели они дѣвицу
 Вверхъ во свѣтлую свѣтлицу
 И оставили одну,
 Отходящую ко сну.

День за днемъ идетъ мелькая,
А царевна молодая
Все въ лѣсу, — не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ раннею зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У татарина отсѣчь,
Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго черкеса.
А хозяйюшкой она
Въ терему межъ тѣмъ одна,
Приберетъ и приготовить.
Имъ она не прекословить,
Не перечатъ ей они;
Такъ идутъ за днями дни.

Братья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей: „дѣвица,
Знаешь: всѣмъ ты намъ — сестрица,
Всѣхъ насъ семеро, тебя
Всѣ мы любимъ; за себя
Взять тебя мы всѣ бы рады,
Да нельзя; такъ Бога ради,
Помири насъ какъ-нибудь:
Одному женою будь,

Прочимъ ласковой сестрою.
Что жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?“

— „Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,
Имъ царевна говорить:
Коли лгу, пусть Богъ велить
Не сойти живой мнѣ съ мѣста...
Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому я навѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисей“.

Братья молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
„Спрось не грѣхъ. Прости ты насъ,
Старшій молвилъ поклонясь,—
Коли такъ, не зайкнуса
Ужъ о томъ“. — „Я не сержуся,
Тихо молвила она,—
И отказъ мой — не вина“.
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.

Между тѣмъ царица злая,
Про царевну вспоминая,

Не могла простить ее;
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ, объ немъ хватилась
И пошла за нимъ и, сѣвъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,
Красоваться снова стала
И съ улыбкою сказала:
„Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи;
Я-ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
„Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но живетъ безъ всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все-жъ тебя милѣй“.
И царица налетѣла
На Чернавку: „какъ ты смѣла
Обмануть меня? и въ чемъ?...
Та призналася во всемъ,
Такъ и такъ. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Разъ царевна молодая,
Милыхъ братьевъ поджидая,
Пряла, сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видитъ: нищая черница

Ходить по двору, клюкой
 Отгоняя пса. „Постой,
 Бабушка, постой немножко,
 Ей кричить она въ окошко;
 Пригрожу сама я псу,
 И кой-что тебѣ снесу“.
 Отвѣчаетъ ей черница:
 „Охъ ты дитяtko, дѣвица!
 Песъ проклятый одолѣлъ,
 Чуть до смерти не заѣлъ.
 Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
 Выдь ко мнѣ“. — Царевна хочетъ
 Выйти къ ней и хлѣбъ взяла:

Но съ крылечка лишь сошла,
 Песъ ей подъ ноги — и лаеъ,
 И къ старухѣ не пускаетъ;
 Лишь пойдетъ старуха къ ней,
 Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
 На старуху. Что за чудо?
 „Видно выспался онъ худо,
 Ей царевна говорить;
 На-жъ, лови!“ и хлѣбъ летитъ.
 Старушонка хлѣбъ поймала;
 „Благодарствую“, сказала,

Богъ тебя благослови;
Вотъ за то тебѣ, лови!“
И къ царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летить...
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ...
Но царевна въ обѣ руки
Хватъ — поймала. „Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ.
Благодарствуй за обѣдъ!“
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И съ царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ и ей въ лицо
Жалко смотреть, грозно воетъ,
Словно сердце песѣ ноетъ,
Словно хочетъ ей сказать:
„Брось!“ Она его ласкать,
Треплетъ нѣжною рукою;
„Что, Соколка, что съ тобою.
Лягъ!“ и въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу сѣла
Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно
Соку спѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось!
Видны сѣмячки насквозь.
Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,
Въ руки яблочко взяла,

Къ алымъ губкамъ поднесла,
 Потихоньку прокусила,
 И кусочекъ проглотила...
 Вдругъ она, моя душа,
 Пошатнулась не дыша,
 Бѣлы руки опустила
 • Плодь румяный уронила,
 Закатилися глаза,
 И она подъ образа
 Головой на лавку пала,
 И тиха, недвижна стала...

Братя въ ту пору домой
 Возвращались толпой
 Съ молодецкаго разбоя.
 Имъ на встрѣчу, громко воя,
 Песъ бѣжить, и ко двору
 Путь имъ кажетъ. „Не къ добру!
 Братя молвили; печали
 Не минуемъ“. Прискакали,

Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
Песъ на яблоко стремглавъ
Съ лаемъ кинулся, озлился,
Проглотилъ его, свалился
И издохъ. Напоено
Было ядомъ, знать, оно.
Передъ мертвою царевной
Братъ въ горести душевной
Всѣ поникли головой.
И съ молитвою святой
Съ лавки подняли, одѣли,
Хоронить ее хотѣли
И раздумали. Она
Какъ подъ крылышкомъ у сна,
Такъ тиха, свѣжа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не возстала ото сна.
Сотворивъ обрядъ печальный,
Вотъ они во гробъ хрустальный
Трупъ царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли въ пустую гору,
И въ полуночную пору
Гробъ ея къ шести столбамъ
На цѣпяхъ чугуновыхъ тамъ
Осторожно привинтили
И рѣшеткой оградили;
И предъ мертвою сестрой
Сотворивъ поклонъ земной,
Старшій молвилъ: „спи во гробъ;
Вдругъ погасла, жертвой злобѣ,
На землѣ твоя краса;

Духъ твой примуть небеса:
Нами ты была любима —
И для милаго хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному“.

Въ тотъ же день царица злая,
Доброй вѣсти ожидая,
Втайнѣ зеркальце взяла
И вопросъ свой задала:
„Я-ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И услышала въ отвѣтъ:
„Ты, царица, спору нѣтъ,
Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе“.

За невѣстою своею
Королевичъ Елисей
Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
Нѣтъ, какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,
И кого ни спросить онъ,
Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
Кто въ глаза ему смѣется,
Кто скорѣе отвернется;
Къ красну солнцу, наконецъ,
Обратился молодецъ.
„Свѣтъ нашъ, солнышко! ты ходишь
Круглый годъ по небу,водишь
Зиму съ теплою весной,
Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видало-ль гдѣ на свѣтѣ

Ты царевны молодой?
 Я—женихъ ей“. — Свѣтъ ты мой,
 Красно солнце отвѣчало,
 Я царевны не видало;
 Знать ее въ живыхъ ужъ нѣтъ
 Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
 Гдѣ-нибудь ее да встрѣтилъ,
 Или слѣдъ ея замѣтилъ. —

Темной ночи Елисей
 Дождался въ тоскѣ своей.
 Только мѣсяцъ показался,
 Онъ за нимъ съ мольбой погнался:
 „Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
 Позолоченный рожокъ!
 Ты встаешь во тьмѣ глубокой,
 Круглолицый, свѣтлоокій,

И обычай твой любя,
Звѣзды смотреть на тебя.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видалъ-ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я — женихъ ей. — Братецъ мой,
Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясный,
Не видалъ я дѣвы красной.
Насторожѣ я стою
Только въ очередь мою.
Безъ меня царевна, видно,
Пробѣжала. — „Какъ обидно!“
Королевичъ отвѣчалъ.
Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
— Погоди: объ ней, быть можетъ,
Вѣтеръ знаетъ. Онъ поможетъ.
Ты къ нему теперь ступай;
Не печалься же, прощай. —

Елисей, не унывая,
Къ вѣтру кинулся, взывая:
„Вѣтеръ, вѣтеръ! ты могучъ,
Ты гоняешь стаи тучъ,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на просторѣ,
Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного;
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видалъ-ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я — женихъ ея“. — Постой,
Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный,
Тамъ, за рѣчкой тихоструйной,

Есть высокая гора, —
Въ ней глубокая нора;
Въ той норѣ, во тѣмъ печальной,
Гробъ качается хрустальный
На цѣпяхъ между столбовъ.
Не видать ни чьихъ слѣдовъ
Вкругъ того пустого мѣста;
Въ томъ гробу твоя невѣста. —

Вѣтеръ далѣ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ
И пошелъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хотъ разъ.

Вотъ идетъ; и поднялась
Передъ нимъ гора крутая:

Вкруг нея страна пустая,
Подъ горою темный входъ...
Онъ туда скорѣй идетъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальный,
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ царевна мертвымъ сномъ...
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
Ожила. Глядитъ вокругъ
Изумленными глазами,
И качаясь надъ цѣпиями,
Привздохнувъ, произнесла:

„Какъ же долго я спала!“
И встаетъ она изъ гроба...
Ахъ!... и зарыдали оба.

Въ руки онъ ее беретъ
И на свѣтъ изъ тьмы несетъ,
И бесѣдуя пріятно,
Въ путь пускается обратно,
И трубить уже молва:
Дочка царская жива!

Дома въ ту пору безъ дѣла
Злая мачиха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,
Говоря: „Я-ль всѣхъ милѣе?
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И услышала въ отвѣтъ:
—Ты прекрасна, слова нѣтъ,

Но царевна все-жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе.—
Злая мачиха, вскочивъ,

Объ полъ зеркальце разбивъ,
Въ двери прямо побѣжала
И царевну повстрѣчала.
Тутъ ее тоска взяла—
И царица умерла.
Свадьбу тотчасъ учинили,
И съ невѣстою своей
Обвѣнчался Елисей;

И никто съ начала міра
Не видалъ такого пира;
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.

СКАЗКА

О ЗОЛОТОМЪ ПѢТУШКѢ.

(1834 г.).

Нѣгдѣ въ тридевятомъ царствѣ,
Въ тридесятомъ государствѣ,
Жилъ былъ славный царь Додонъ.
Смолоду былъ грозенъ онъ,
И сосѣдямъ то и дѣло
Наносилъ обиды смѣло;
Но подь старость захотѣлъ
Отдохнуть отъ ратныхъ дѣлъ
И покой себѣ устроить.
Тутъ сосѣди безпокоить
Стали стараго царя,
Страшный вредъ ему творя.
Чтобъ концы своихъ владѣній
Охранять отъ нападеній,

Должень былъ онъ содержать
 Многочисленную рать.
 Воеводы не дремали,
 Но никакъ не успѣвали:
 Ждутъ, бывало, съ юга, глядь—
 Анъ съ востока лѣзетъ рать;
 Справятъ здѣсь—лихіе гости
 Идутъ отъ моря; со злости
 Инда плакалъ царь Додонъ,
 Инда забывалъ и сонъ.
 Что и жизнь въ такой тревогѣ!
 Вотъ онъ съ просьбой о помогѣ
 Обратился къ мудрецу,
 Звѣздочету и скопцу:

Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ,
 Вотъ мудрецъ передъ Додономъ
 Сталъ и вынулъ изъ мѣшка
 Золотого пѣтушка.
 „Посади ты эту птицу,
 Молвилъ онъ царю, на спицу;
 Пѣтушокъ мой золотой
 Будетъ вѣрный сторожъ твой.
 Коль кругомъ все будетъ мирно,
 Такъ сидѣть онъ будетъ смирно;
 Но лишь чуть со стороны

Ожидать тебѣ войны,
Иль набѣга силы бранной,
Иль другой бѣды незванной,
Вмигъ тогда мой пѣтушокъ
Приподыметъ гребешокъ,
Закричитъ и встрепенется,

И въ то мѣсто обернется“.
Царь скопца благодарить,
Горы золота сулить;
„За такое одолженъе,
Говоритъ онъ въ восхищеньи,
Волю первую твою
Я исполню, какъ мою“.

Пѣтушокъ съ высокой спицы
Сталъ стеречь его границы;
Чуть опасность гдѣ видна,
Вѣрный сторожъ какъ со сна
Шевельнется, встрепенется,

Къ той сторонкѣ обернется
 И кричить: „кири-ку-ку!“
 И сосѣди присмирѣли,
 Воевать уже не смѣли:—
 Таковой имъ царь Додонъ
 Далъ отпоръ со всѣхъ сторонъ.

Годъ, другой проходить мирно,
 Пѣтушокъ сидитъ все смирно.
 Вотъ однажды царь Додонъ
 Страшнымъ шумомъ пробужденъ.
 „Царь ты нашъ! отецъ народа!
 Возглашаетъ воевода,
 Государь! проснись! бѣда!“
 —Что такое, господа?
 Говоритъ Додонъ, зѣвая,

А! кто тамъ? бѣда какая?—
Воевода говоритъ:

„Пѣтушокъ опять кричить;
Страхъ и шумъ во всей столицѣ“.
Царь къ окошку—анъ на спицѣ,
Видитъ, бьется пѣтушокъ,
Обратившись на востокъ.
Медлить нечего; скорѣе!
Люди, на конь! эй, живѣе!
Царь къ востоку войско шлетъ;
Старшій сынъ его ведетъ.
Пѣтушокъ угомонился,
Шумъ утихъ и царь забылся.

Вотъ проходитъ восемь дней,
А отъ войска нѣтъ вѣстей:
Было-ль, не было-ль сраженья?
Нѣтъ Додону донесенья.
Пѣтушокъ кричитъ опять—

Кличетъ царь другую рать;
 Сына онъ теперь меньшого
 Шлетъ на выручку большого.
 Пѣтушокъ опять утихъ.
 Снова вѣсти нѣтъ отъ нихъ,
 Снова восемь дней проходятъ,
 Люди въ страхѣ дни проводятъ.
 Пѣтушокъ кричитъ опять, —
 Царь скликаетъ третью рать
 И ведетъ ее къ востоку,
 Самъ не зная, быть ли проку.

Войска идутъ день и ночь;
 Имъ становится не въ мочь:
 Ни побоища, ни стана,
 Ни надгробнаго кургана
 Не встрѣчаетъ царь Додонъ.
 Что за чудо? мыслить онъ.
 Вотъ осьмой ужъ день проходитъ,
 Войско въ горы царь приводитъ,
 И промежъ высокихъ горъ
 Видитъ шелковый шатеръ.
 Все въ безмолвіи чудесномъ
 Вкругъ шатра: въ ущельи тѣсномъ
 Рать побитая лежитъ.

Царь Додонъ къ шатру спѣшитъ...
 Что за страшная картина!
 Передъ нимъ его два сына
 Безъ шоломовъ и безъ латъ
 Оба мертвые лежатъ,

Мечъ вонзивши другъ во друга.
 Бродятъ кони ихъ средь луга
 По притоптанной травѣ,
 По кровавой муравѣ....
 Царь завылъ: „охъ, дѣти, дѣти!
 Горе мнѣ! попались въ сѣти
 Оба наши сокола!
 Горе! смерть моя пришла“.
 Всѣ завыли за Додономъ;
 Застонала тяжкимъ стономъ
 Глубь долинъ и сердце горъ
 Потряслося. Вдругъ шатеръ
 Распахнулся... и дѣвица,
 Шамаханская царица,

Вся сія какъ заря,
 Тихо встрѣтила царя.
 Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
 Царь умолкъ, ей глядя въ очи,
 И забылъ онъ передъ ней
 Смерть обоихъ сыновей.

И она передъ Додономъ
 Улыбнулась—и съ поклономъ
 Его за руку взяла
 И въ шатеръ свой увела.
 Тамъ за столъ его сажала,
 Всякимъ яствомъ угощала,
 Уложила отдыхать
 На парчевую кровать;
 И потомъ недѣлю ровно,

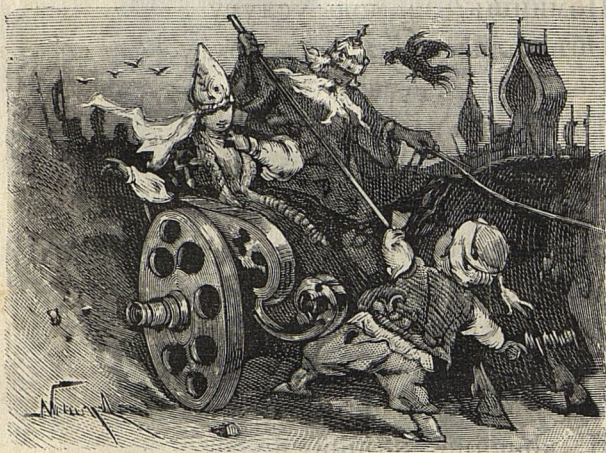
Покорясь ей безусловно,
Околдованъ, восхищенъ,
Пироваль у ней Додонъ.

Наконецъ, и въ путь обратный
Со своею силой ратной
И съ дѣвицей молодой
Царь отправился домой.
Передъ нимъ молва бѣжала,
Быль и небыль разглашала.
Подъ столицей, близъ воротъ,
Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ.
Всѣ бѣгутъ за колесницей
За Додономъ и царицей—
Всѣхъ привѣтствуетъ Додонъ....
Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
Въ сорочинской шапкѣ бѣлой,

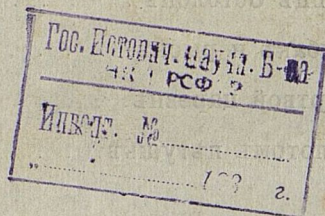
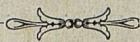
Весь какъ лебедь посѣдѣлый,
Старый другъ его, скопецъ.
„А! здорово, мой отецъ,
Молвилъ царь ему; что скажешь?
Подъ поближе, что прикажешь?“
— Царь, отвѣствуетъ мудрецъ,
Разочтемся, наконецъ.
Помнишь? за мою услугу
Обѣщался мнѣ, какъ другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, какъ свою.
Подари жъ ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу.—
Крайне царь былъ изумленъ.
„Что ты? старцу молвилъ онъ,
Или бѣсъ въ тебя ввернулся,
Или ты съ ума рехнулся;
Что ты въ голову забралъ?
Я, конечно, обѣщаль;
Но всему же есть граница.
И зачѣмъ тебѣ дѣвица?
Полно, знаешь-ли кто я?
Попроси ты отъ меня
Хоть казну, хоть чинъ боярскій,
Хоть коня съ конюшни царской,
Хоть полцарства моего“.
— Не хочу я ничего.
Подари ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу—
Говорить мудрецъ въ отвѣтъ.
Плюнулъ царь: „такъ лихъ же, нѣтъ!
Ничего ты не получишь.
Самъ себя ты, грѣшникъ, мучишь,

Убирайся, цѣль пока;
 Оттащите старика!“
 Старичекъ хотѣлъ заспорить,
 Но съ инымъ накладно вздорить;
 Царь хватилъ его жезломъ
 По лбу; тотъ упалъ ничкомъ,

Да и духъ вонъ.—Вся столица
 Содрогнулась—а дѣвица
 Хи хи хи, да ха ха ха.
 Не боится, знать, грѣха.
 Царь, хотъ былъ встревоженъ сильно,
 Усмѣхнулся ей умильно.
 Вотъ въѣзжаетъ въ городъ онъ!!
 Вдругъ раздался легкій звонъ,—
 И въ глазахъ у всей столицы
 Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы,
 Къ колесницѣ полетѣлъ
 И царю на темя сѣлъ;
 Встрепенулъ, клюнулъ въ темя

И взвился.... и въ то же время
Съ колесницы палъ Додонъ:
Охнулъ разъ—и умеръ онъ;
А царица вдругъ пропала,
Будто вовсе не бывала.
Сказка—ложь, да въ ней намежъ,
Добрымъ молодцамъ урокъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Женихъ	1
Сказка о царѣ Салтанѣ	9
Сказка о купцѣ Остолопѣ	47
Сказка о рыбацѣ и рыбацѣ	57
Сказка о мертвой царевнѣ	69
Сказка о золотомъ пѣтушкѣ	92

- Физическая географія**, соч. *Соммервилль*, около 400 стран. Ц. 3 р. 50 к.
- Альпійскіе ледники**, соч. *Тиндала*. Переводъ Рачинскаго. Ц. 2 р. 50 к.
- Полный Толковый Словарь** всѣхъ общепотребительныхъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, съ указаніемъ корней. Справочная книга при чтеніи книгъ, журналовъ и газетъ. Состав. *Н. Дубровскій*. 10 изд. 1887 г. Ц. 1 р., въ коленкор. перепл. 1 р. 50 к.
- „Простыя бѣды о научныхъ предметахъ“**, соч. *Гершеля*, переводъ Рачинскаго. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.
- Толковый письмовникъ**. Полное собраніе всѣхъ актовъ, договоровъ, обязательствъ, прошеній и писемъ на всѣ случаи жизни, съ подробнымъ наставленіемъ, какъ ихъ составлять, кому и куда подавать, въ 3 частяхъ. Сост. *А. Е. Крыловъ*. М. 1885 г. Ц. 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р.
- Переселяющіяся животныя**, соч. *Коузмелюса*, необходимая книга для любителей охоты звѣриной, птичной и рыбной ловли. Ц. 1 р. 25 к.
- Очерки животной жизни**, соч. *Льюиса*. Ц. 1 р.
- Общая Біологія**, соч. *Сентъ-Иллера*, въ пер. Богданова, 2 т. Ц. 3 р.
- Этюды**. Популярныя чтенія *Шлейдена*, съ карт. и таблиц. Ц. 2 р. 50 к.
- Исторія земли. Геологія на новыхъ основаніяхъ**. Соч. *Мора*. Ц. 3 р. 50 к.
- Новый самоучитель рисованія, черченія и перспективы**. Легкій способъ въ 30 уроковъ, безъ помощи учителя, научиться правильно рисовать, чертить, тушевать и покрывать акварельными красками рисунки. Сост. подъ редак. *Микель-Санццо*. 4 изд., на 28 больш. лист. и съ прил. текста. 1883 г. Ц. 2 р., въ переплетѣ 3 р.
- „Европа“**. Соч. *Риттера*. Лекціи, читанныя въ Университетѣ. Ц. 2 р.
- Картины растительности земного шара**,—*Рудольфа*. Ц. 2 р. 50 к.
- Общее землѣдѣніе**,—проф. *Риттера*. Ц. 1 р.
- Естественная Исторія насѣкомыхъ**. Соч. проф. *Керби и Спенсера* (описаніе вредныхъ и полезныхъ насѣкомыхъ, ихъ превращеній, пищи, жилищъ и пр.). Ц. 2 р. 50 к.
- „Школа здоровья“ (домашній лѣчебникъ)**.—Руководство къ самосохраненію здоровья и продленію жизни до глубокой старости; распознаваніе всѣхъ болѣзней, наружныхъ и внутреннихъ; лѣченіе ихъ испытанными простыми, домашними врачебными средствами, безъ помощи врача и аптеки. Болѣе 3000 рецептовъ (на русскомъ и латинскомъ языкахъ). Въ 2 ч., съ 137 рис. Общед. изложено *Д-мъ Андреевскимъ*. 4 допол. изд. М. 1887 г. Ц. 3 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 4 р.
- Волостной Судъ**. Полные Законы для крестьянъ всѣхъ наименованій въ Россійской Имперіи (ихъ судъ, права и обязанности). Подробныя правила о Крестьянскомъ Поземельномъ Банкѣ и формы дѣлопроизводства и отчетности. Сост. *Гарнакъ*. 4 дополнен. изданіе, въ 3 част., до 1000 стр. М. 1886 г. Ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.
- Новые духовные законы для православныхъ: священно-и церковно-служителей, монашествующихъ, настоятелей монастырей, благочинныхъ, членовъ консисторій, архіереевъ и др. начальств. лицъ**. Съ прилож. подробныхъ узакон. для церковныхъ старостъ и попечительствъ. 3 допол. изд., въ 3 част. Сост. подъ редакц. *Никольскаго*. М. 1883 г. Ц. 2 р., въ коленкор. перепл. 3 р.

ДѢТСКИХЪ КНИЖЕКЪ.

Большин. картинъ исполн. художн. И. Пановымъ, рѣзан. въ Парижѣ Паннеманеромъ.

Первинка. Нагл. обуч. по картинкамъ.
Азбучка Крошка. Составл. по звуко-
вому способу.

Книжка Малютка.

Балагуръ. Сборникъ стихотвореній.

Дѣтскія пѣсенки.

Дѣтки-малолѣтки. Изъ дѣтской жизни.

Бабушкины Сказки. Сборникъ сказокъ
для маленькихъ дѣтей.

Елка. Сборникъ мелкихъ разсказовъ.

Старинъ Годовикъ.

Приключенія любопытнаго Коли.

Чародѣй. Сборникъ фокусовъ.

Собака. Разсказы о собакахъ.

Кошка. Разсказы о кошкахъ.

Чудесныя животныя. Зоологич. анекдоты.

Проказы Мишки Топтыгина.

Колосся. Народные разсказы.

Всего по немногу.

Французская азбучка.

Нѣмецкая азбучка.

Маленькій рисовальщикъ.

Матушка Моська. Сборникъ стихотв.

Русскія Басни и др.

Арифметика Крошка.

Ручныя тѣни и комнатныя игры.

Забава всему приправа.

Красный сарафанчикъ.

Освобожденіе Руси.

Проказы обезьянъ.

Три царства природы.

Паша добрый мальчикъ.

Добрый Никитичъ } изд. по был.

Илья Муромецъ } Полевой.

Цѣна каждой книжечки 10 к. с., съ перес. 15 к.; на рубль высылаются 10 кни-
жекъ, на 2 р.—20 книж., въ одной изящной папкѣ 10 книж. 1 р. 20 к., въ пе-
реплетѣ 1 р. 50 к. съ перес.

РОДН А Я А З Б У К А,

составл. И. Деркачевымъ по звуковому способу; иллюстрирована множествомъ
картинокъ въ текстѣ. Съ предварительными упражненіями въ черченіи и выпи-
сываніи элементовъ буквъ, а также матеріаломъ для первоначальнаго чтенія
послѣ азбуки. М. 1884 г. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

СОЧИНЕНІЯ А. С. ПУШКИНА,

изданныя для юношества, подъ редакціею В. П. Азенаріуса. Съ біографіею
поэта, портретами и снимками съ почерка его, картинами и полигипсами
въ текстѣ. Въ 3-хъ томахъ. Москва, 1888 г. Цѣна 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

„ЧТО КОМНАТА ГОВОРИТЬ“.

Азенаріуса, В. П. Разсказъ для дѣтей, удостоен. первой преміи С.-Пб. Фре-
белевскаго Общества и одобрен. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго
Просвѣщенія, съ рисунками. 4 изд. Спб. 1887 г. Ц. 50 к.

СКАЗКА О ПЧЕЛѢ-МОХНАТКѢ.

Азенаріуса, В. П. Разсказъ для дѣтей, удостоен. первой преміи. С.-Пб. Фре-
белевскаго Общества и одобрен. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв., съ рисун. Ка-
разина. 4 изд. М. 1885 г. Ц. 50 к.

ОБРАЗЦОВЫЯ СКАЗКИ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Собралъ для дѣтей В. П. Азенаріусъ. Съ рисунками художн. Каразина. Пер-
вое изданіе одобрено Учен. Ком. Мин. Народ. Просв. для учения. бібліотекъ
и для подарковъ учащимся. Изящное изданіе. М. 1885 г. Ц. въ хромофотограф.
папкѣ 2 р. 50 к., въ коленкор. переплетѣ 3 р.

КНИЖКА ИГРУШКА, ПРАЗДНИЧНЫЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Дѣтскія пѣсенки, сказки, басни и побасенки, стихотворенія, игры и занятія,
изящно иллюстр. множеств. рисунк. Состав. И. П. Деркачевъ. М. 1884 г.
Ц. 50 к., въ изящной папкѣ 75 к., съ перес. 1 р.

Сборникъ избранныхъ басенъ И. А. Крылова и др. Одобрено Учебн. Комит. Мин.
Народ. Просвѣщ. Сост. Волженскій. Спб. 1880 г. Ц. 25 к.